

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

На ст. жел. д. 20 коп.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 44

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915

БОЛГАРСКІЙ ПИТОМЕЦЪ.

29 ОКТЯБРЯ

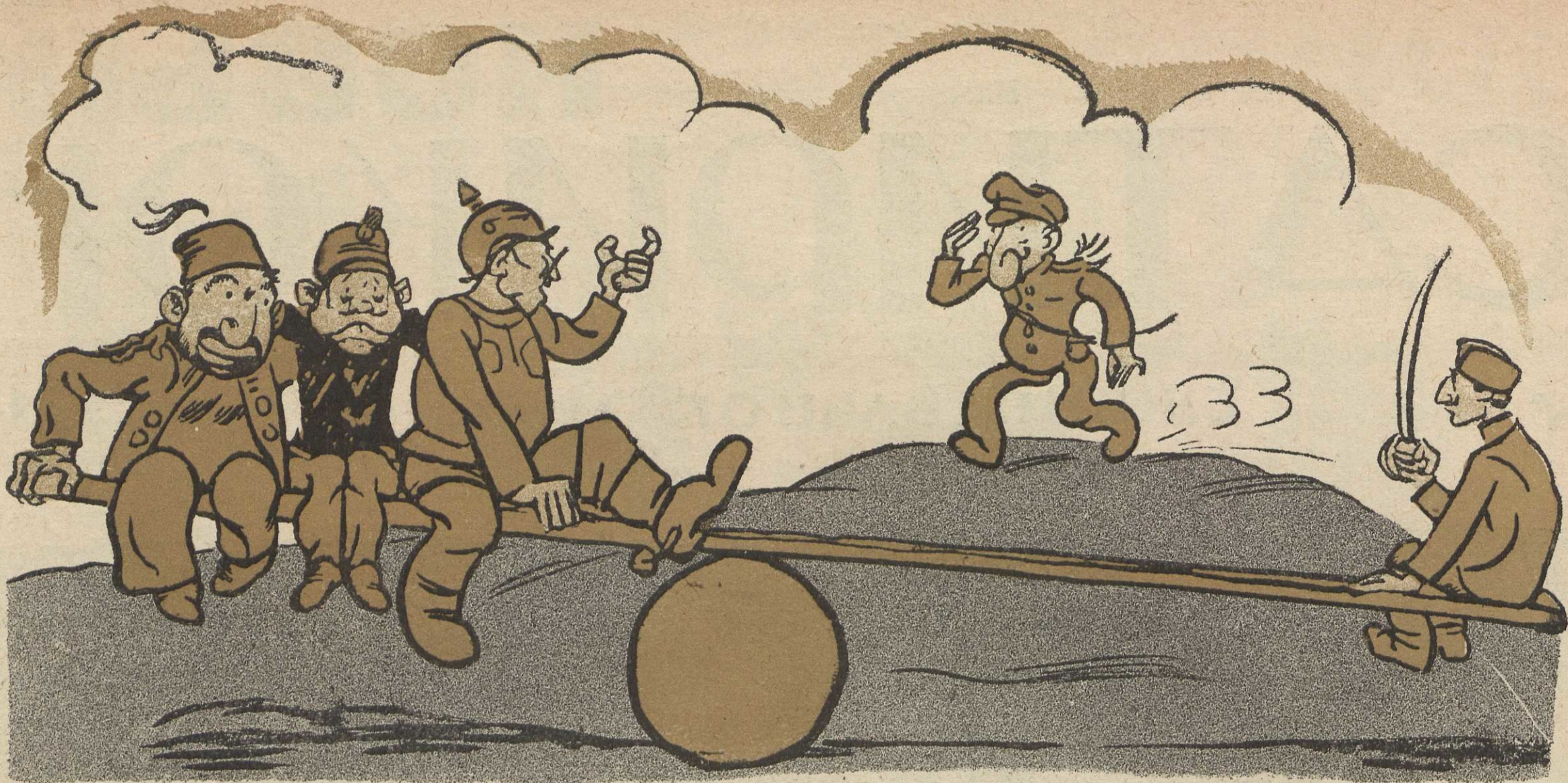
Рис. Ре-ми.

Это было тогда, когда добродушный медвѣдь еще не раскусилъ его...

И вотъ что будетъ, — когда добродушный медвѣдь вполне раскуситъ его...

1) *Вильгельмъ*: — Иди же скорѣе, чортъ тебя возьми! Ты намъ поможешь своей тушей перевѣсить его...

ВЪ БУРЮ... ВО-О-О ГРОЗУ...

„Ура-поэтамъ“ и батальнымъ беллетристамъ посвящается, но безъ уваженія

Зимній вечеръ наступаль.
 Буря мглою небо крыла,
 Словно вышла «на авраль»
 Табуномъ чертячья сила.
 Жутко было безъ калошъ.
 Адъ задумаль издѣваться
 И пугать, бросая въ дрожъ,
 Пѣшехода-петроградца.
 Беллетристъ, Кузьминъ Лука,
 Мчался серною до конки,
 Ибо былъ въ семисезонкѣ
 И ботинкахъ en tout cas.
 Бррр!.. Замерзну въ цвѣтѣ лѣтъ!
 Вывози меня, кривая.
 Ну, бѣги, бѣги, поэтъ, —
 Недалеко до трамвая.
 Уфффъ! Родимые, пришелъ!
 Но ужель страдалъ я даромъ?..
 Отдышался, сѣлъ за столъ,
 За бурлящимъ самоваромъ.
 Котъ мурлыкалъ въ сторонѣ,
 И мурластый, и пузатый.
 Шевелился на стѣнѣ
 Нѣкто, крупный и лохматый.
 Быстро бѣгала рука
 По листкамъ, въ чаду экстаза.
 Вдохновенно пѣлъ Лука
 Ураганъ въ горахъ Кавказа.
 — «Я люблю кипящій адъ!
 Дикій прохоть урагана!
 Я люблю промовъ раскатъ,
 Въ дикихъ скалахъ Ардагана!
 Я люблю подставить грудь
 Ледянымъ дыханьямъ вѣтровъ!
 Грудью полною вздохнуть
 (Гекзаметровъ?.. летровъ?.. петровъ?..)
 Въ вышинѣ трехъ тысячъ метровъ!
 Я люблю полярныхъ странъ
 Ледянистыя метели!
 Въ нихъ живетъ Великій Панъ
 И ипраетъ на свирѣли...»
 Былъ ужъ виденъ гонораръ,
 Блеффъ и шумъ въ литературѣ...
 Пѣлъ о бурѣ самоваръ,
 Васька пѣлъ о горной бурѣ,
 Пѣла вьюга за окномъ
 О прозѣ чужихъ сторонокъ,
 И мяукалъ теноркомъ
 За отдушиной чертенокъ...

Евг. Вѣнскій.

НА ТОМЪ БЕРЕГУ...

Фельетонъ *Аркадія Аверченко*.

Это была широкая-преширокая рѣка.

Кучка людей, стоявшая на берегу, вдругъ замѣтила, что проходящій по противоположному берегу человекъ неожиданно оступился и съ крикомъ упалъ въ воду.

— Человекъ въ водѣ!! — пронеслось среди кучки людей на этомъ берегу. — Надо попытаться спасти...

— Какъ же можно его спасти съ этого берега? Чуть не версту плыть. Надо оттелева. Вонъ тамъ, кажется, и народъ есть.

Дѣйствительно, на томъ берегу, съ котораго упалъ прохожий, показались какіе-то два человека.

— Эй!! — закричали имъ съ этого берега. — Около васъ человекъ упалъ! Вытащите его!!!

Два человека приостановились. Съ любопытствомъ поглядѣли въ воду.

— Смотри-ка, Братіану, — замѣтилъ человекъ, одѣтый въ юбку, съ феской на головѣ. — Какая-то целовѣка упалася.

— Въ воду упалъ, — подтвердилъ человекъ, одѣтый въ расшитую шнурами жилетку и несшій подмышкой скрипку.

— Она мозетъ утонуть.

— «Утонуть», — передразнилъ Братіану. — А ты вытащи его, онъ и не будетъ утонуть.

Грекъ покачалъ головой и задумчиво замѣтилъ:

— Кардса целовѣка тонити. Очень замѣцательная целовѣка. Мы съ ней большая дружба имѣемъ.

— Такъ вотъ ты бы его и вытащилъ.

Грекъ съ готовностью снялъ феску, юбку, сложилъ все это на бережку и, усѣвшись на камень, сказалъ:

— Послушай, Братіану... Луцсе ты ему вытасци.

— Зачѣмъ же я — вѣдь ты ему другъ.

— Сто это — другъ, другъ?! Когда кардса целовѣка гибнити — развѣ мозна разбиратися: другъ или не другъ. Надо поскорѣе вытаскивати.

— Чего жъ ты сѣлъ, чудакъ? Лѣзь въ воду.

— Братіану... У тебя эта самая... градусника... есть на кармани?

— Зачѣмъ?

— Если вода очень теплый я буду немнозко плавати-плавати. Я ему буду немнозко помогати.

— Вода, братъ, не теплая. Да развѣ тутъ можно разсуждать — теплая, не теплая — вѣдь человекъ потонуть можетъ.

— Братіану... Вытасци его ты. Такая кардса целовѣка тонетъ — ему надо спасати-спасати.

— Чудакъ! Да вѣдь я-то что — я посторонній человекъ. А у тебя съ нимъ договоръ даже написанъ: спасать, если кто тонуть будетъ.

— Сто такая договора? Сто?! На договора сказано — стобы спасать котора сторона потонуть будетъ, а на договора не сказано: гдѣ будетъ тонуть — на земля или на мѣря.

У румына сердце было добрѣе, чѣмъ у грека. Онъ еще разъ сочувственно взглянулъ на тонущаго и предложилъ:

2) Вильгельмъ: — Ой, кажется, вышло еще хуже!..

— Ну, хорошо. Ты полѣзь въ воду, а я тебѣ за это на скрипкѣ поиграю.

— Минѣ скрипка не нужно.

— Да вѣдь бесплатно же — ничего за это не возьму.

— Такая замѣцательная целовѣка тонетъ, а ты сиди-сидиси на берегу. Не карасо, — упрекнулъ грекъ.

— Знаешь, что я сдѣлаю? — рѣшилъ румынъ, сердце котораго сжималось отъ жалости. — Я ему буду играть на скрипкѣ. Пусть хоть послѣдній разъ услышитъ хорошую игру — все-таки легче тонуть человѣку. Нельзя же живого человѣка такъ, зря, оставлять.

Вынулъ скрипку и, наклонившись къ водѣ, дружелюбно заигралъ «Дойну».

А грекъ сидѣлъ на берегу, плакалъ отъ сочувствія и говорилъ со стономъ:

— У! Такая замѣцательная игра, сто прямо плакать хочется. Такая замѣцательная, кардса целовѣка тонетъ, сто прямо досадно.

А съ того берега кричали:

— Эй вы! Заимись! Маргиломанъ! Гюлеско! Какъ васъ тамъ... Вамъ вѣдь рукой подать! Вытащите его! Вѣдь потонетъ! Заимись! Вѣдь у тебя съ нимъ договоръ есть!!

— Сто такая договора?! — разсердился грекъ. — Договора можно смотрѣти и таки, и таки. Договора сказана — спасати, кто тонуту будети, а поцему договора не сказана — на земля или на вода тонуту, Значить усѣ зависитса отъ тоцка зрѣнїя.

— Эй вы! Заимись! — кричали съ того берега. — Если вы его вытащите — мы вамъ сто рублей дадимъ.

— За такой кардса целовѣкъ — сто рублей? — возмутился грекъ. — Вы за него и двѣсти дадите — и то мало.

— Ну, двѣсти бери! Лѣзь въ воду.

— Сто такой — лѣзь въ воду? Октябрия мѣсяца, холодная вода, какъ цортъ, а я — лѣзь въ воду. Триста рублей, и то совсѣма даромъ.

— Триста дадимъ — вытащи!

— А если на меня насморка будетъ — сто ви дадите?

— Тысячу за насморкъ, лѣченїе на нашъ счетъ!!

— Слушайте... А поцему ви сами не винимите его изъ вода?

— Да вѣдь далеко мы!! Не успѣемъ доплыть.

— Спаси-и-и... — донеслось издалека.

Трое: русскїй, англичанинъ и французъ не могли больше выдержать, — сбросили платья и поплыли черезъ всю ширѣку.

А грекъ сидѣлъ на камушкѣ и говорилъ:

— Бозе-зъ мой, Бозе-зъ мой! Какая кардса целовѣка тонетъ.

Румынъ вынулъ изъ кармана кусокъ канифоли, энергично намусолилъ смычекъ и сказалъ съ упрекомъ:

— Вотъ видишь: когда это все кончится — ты ничего и не получишь. А мнѣ что-нибудь дадутъ: я, все-таки, старался для утопленника — на скрипкѣ игралъ.

И снова заигралъ «Дойну», склонившись надъ бурной водой.

Аркадій Аверченко.

ТАБАЧНЫЙ ФОРТЕЛЬ.

„Табачнымъ синдикатомъ произвольно вздуть цѣны; особенно на низшіе сорта папирозъ, которые курятъ народъ и армія“.

„День“.

Я готовъ въ тройномъ размѣрѣ
Заплатить налогъ военный
И списать мои потери
Въ книгу долга государству
Но платить лихїя дани
Мародерствующей дряни,
Шайкѣ подлой и презрѣнной,
Я считаю оскорбленьемъ!

Пусть тѣснятъ меня налоги,
Пусть усну я подъ заборомъ,
Но я знаю, что въ итогѣ
Помогу я государству.
Но помочь обогатиться
Безпардоннымъ мародерамъ,
Воздвигая имъ палацца,
Я считаю — оскорбленьемъ!

Вотъ сейчасъ въ моемъ карманѣ
Небольшой излишекъ злата;
Я хотѣлъ бы жертвамъ брани
Отнести его въ подарокъ,
Но, къ несчастью, мой излишекъ,
Властной волей синдиката,
Попадетъ въ карманъ купчишекъ,
Произвольно вздувшихъ цѣны!

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ причины
Столь внезапнаго явленья?
Нѣтъ подвоза?... Прочь личины! —
Есть подвозъ, когда онъ нуженъ!
Просто люди ошалѣли,
Не встрѣчая усмиренья:
«Что зѣвать, на самомъ дѣлѣ!» —
Вотъ и все вамъ объясненье!..

В. Князевъ.

А. А. Измайловъ. -- С. М. Пропперъ. — Максимъ Ковалевскій. — Петръ Струве.
„БИРЖЕВЫЯ ВЪДОМОСТИ“ БЛАГОГОВЪЙНО ОСТАВЛЯЮТЪ СЛЪДЪ ВЪ ИСТОРИИ ВРЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ...

ВЪ СЛОБОДѢ НАЛЬЧИКѢ.

Элегія.

Велика Россія, не охватишь ее глазомъ и разсѣяны по ней, какъ звѣзды по небу, люди, которымъ хочется выпить. Неприласканные, необогрѣтые теплымъ словомъ трезвенничающихъ близкихъ, съ больной головой и безрадостностью въ душѣ ходятъ они по мѣстамъ своихъ жительство и ждуть чуда. А вдругъ — достануть. И простые, незатѣйливые люди, которые не могли бы додуматься до самаго простого способа, какъ выпнать свинью изъ огорода, или какъ выписать газету изъ другого города, начали проявлять творческія способности. Изобрѣтаютъ знакомыхъ докторовъ, открываютъ родственниковъ среди полиціи и даже вводятъ въ домъ, съ льстивыми словами, аптекарей, пахнущихъ іодоформомъ...

А когда и эти пути сходятся на перекресткѣ съ наблюдающимъ за трезвостью окомъ, тогда русская самобытная натура рождаетъ такіе выходы изъ положенія, что заморенный человѣчишка столицы только ротъ раскрываетъ: извините, не додумался.

Одна газета приводитъ извлеченіе изъ приказа начальника Терской области.

«Высочайшимъ повелѣніемъ 22 августа 1914 г. продажа спирта, вина и водочныхъ издѣлій воспрещена впредь до окончанія выпавшей на долю нашего отечества безпримѣрной войны. Между тѣмъ, при провѣркѣ акцизнымъ надзоромъ торговли въ ренсковомъ погребѣ Алексѣя Шуйскаго, въ слободѣ Нальчикѣ, обнаружено, что изъ этого погреба крѣпкіе напитки нерѣдко отпускались по рецептамъ медицинскихъ и ветеринарныхъ врачей, прописывавшихъ для коровъ коньякъ и для лошадей по нѣскольку бутылокъ зубровки, а чины полиціи разрѣшали отпускъ этихъ напитковъ».

Тихая слобода, Нальчикъ... Подхожу къ тебѣ робкими стопами и прошу: позволь описать искусы пьяницъ твоихъ.

* * *

— Ваше благородіе...

— Ну?

— Хвораеть. Дюже хвораеть.

— Говори толкомъ. Кто еще? Мать хвораеть?

— Гдѣ мать... Померши, упокойница, годковъ шесть.

Хвораеть и хвостомъ по полу...

— Кто тамъ хвостомъ по полу?

— Она, она, ваше благородіе, а глаза мутные и мычитъ.

Да такъ мычитъ, что сердце обливаётся... Корова-то.

— Что я тебѣ коровій медикъ, что ли?

— Да къ кому идти. Фельдшеръ былъ, рупь взялъ.

— Ну и что?

— Попой, говоритъ, корову виномъ, такъ она тебѣ выправится, танцовать будетъ — не то что голову внизъ...

— А я-то тутъ при чемъ?

— Ваше благородіе, разрѣшите...

— Постой, постой... А что у тебя корова пьетъ?

— Корова не коза, все вылакаетъ... Можетъ коньячишку разрѣшите... Тестъ къ четвергу имянинникъ...

— При чемъ тутъ тестъ?

— Она, говорю, корова-то и выпьетъ... Разрѣшите ужъ ваше бла...

— На! Привязался. Только смотри, чтобы этого не было... А то придетъ такой и все у него: и хвостомъ объ полъ и прочее, а къ вечеру, глядишь, на тротуарѣ самъ спить.

* * *

— Братцы-те мои... Авдюшка-то подъ корову, почитай, что двѣ бутылки выдралъ...

— Да, тоже... А ежели какъ Парамоновъ, съ шпагой при боку, придетъ, да нюхнетъ коровѣ изъ рота: а почему, молъ, у тебя животная спиртомъ не пахнетъ? Что тогда Авдюшка?

— Что, что... Потому, молъ, какъ ваше благородіе, корова по ранжиру сѣномъ пахнуть должна, желудокъ у нея млекопитающій. Какъ будто китъ — наглоталъ селедокъ, а отъ самаго водой пахнетъ.

— А ежели онъ тебя за кита-то твоего въ участокъ?

— Въ китѣ и провинны. Животная мое, коньякъ мой, что хочу, то и дѣлаю...

* * *

— Ахъ, господинъ околодочный... У васъ у самихъ навѣрное есть кошечка...

— Извините, не занимаюсь...

— Нѣтъ, вы все-таки поймете, у васъ и лицо такое, національное... Знаете вы какъ тяжело, когда умираетъ сибирскій персидскій котенокъ?

— Чѣмъ, собственно, могу служить-съ?

— Развѣ же это служба? Развѣ служба, когда вы войдете въ мой домъ спасителемъ умирающаго... Развѣ Икаръ, похитившій огонь Мельпомены у Прометея, развѣ древнегреческія...

— Занять-съ. Чѣмъ могу, собственно...

— Спасите котенка.

— Не знаю, собственно, чѣмъ могу...

— Въ спирту вымыть.

— Мойте.

— Разрѣшили бы, господинъ околодочный... Эхъ, да что говорить... Подхожу я къ нему, а онъ лапками, лапками... А самъ тихо-тихо: спирту бы, говорить... Животное вотъ, а понимаетъ...

— Сколько?

— Ну, что тамъ. У меня еще курица одна прихрамывать начала, валяйте на двоихъ... Четверть, такъ четверть..

* * *

— Отцвѣли у меня... хризантемы... Извозчикъ... Ты любишь хризантемы?... Нѣтъ? Что говорить? Виновать, я думалъ, что это извозчикъ... А если вы дама, такъ почему же вы здѣсь стоите... Извините, я васъ не толкалъ... Ну да, пьяный, а тебѣ какое дѣло... Тоже, надѣлъ котелокъ, а пристаешь... Имѣю я право свою собаку лѣчить, или нѣтъ? Имѣю? Имѣю? Да? А если ее у меня нѣтъ, такъ что же я коньякъ въ книгѣ засушивать буду?..

Тихая слобода, Нальчикъ; у насъ не достанешь. Даже если завести цѣлую ферму для разведенія полезныхъ домашнихъ животныхъ, все равно не дадутъ. Знаютъ.

Прощай, Нальчикъ, не вспоминай лихомъ.

Арк. Буховъ.

ПЕРВАЯ.

У нея былъ непослушный локонъ,
Мелкимъ шелкомъ падавшій съ виска —
Можетъ быть, давно поблекъ онъ —
У нея теперь въ душѣ своя тоска,
Но тогда была лишь грація былинки
И манера щуриться, смѣясь,
Кофточка изъ клѣтчатой сарпинки,
На столѣ фарфоровыя свинки
И унылый ёлочный карась...
Надъ кроватью съ бантикомъ иконка...
Изъ окна сквозь блѣдный тюль гардинъ
Видно было, какъ тащилась конка
Мимо тусклыхъ, заспанныхъ витринъ...
Голубѣли сумерки понуро —
Зажигала лампу... Зябкій свѣтъ,
Преломясь на грани абажура,
Вѣшалъ на стѣну сверкающій колетъ...
Что же слышала прекрасная невѣста?
Вся любовь была въ мерцаньи глазъ
И была чужда намъ яркость жеста
Съ мишурой напѣвно-лживыхъ фразъ?..
Поцѣлуй былъ розовымъ дыханьемъ
Неумѣлыхъ плотно сжатыхъ губъ,
А потомъ улыбокъ увяданье
И боязнь, что онъ ненужно грубъ...
Пусть же жизнь спноила сердце въ лапахъ,
Но та — «первая» — всегда со мной... одна,
Какъ духовъ ея любимыхъ запахъ,
Какъ давно солгавшая Весна...

Рис. Миссъ.

Въ памяти о ней, простой и чуждой позы,
Я оправдывалъ и скорби и грѣхи —
Для нея лишь старческія презы
Воплощалъ я въ грустные стихи...
Отъ другихъ ужъ пахло кислымъ потомъ,
А въ иконкахъ прятался обманъ
И въ концѣ холоднаго расчета —
Оставался «конченный романъ!»

Сергій Михѣевъ.

ЧТО ТЕПЕРЬ ДОРОЖЕ ДЕНЕГЪ.

Дрова везутъ...

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Верниссажъ.

Въ „Новомъ Времени“ одинъ москвичъ разоткровенничался и рассказалъ о Москвѣ „такую правду, что хуже всякой лжи“.

Вотъ какъ московскія богачихи относятся къ святому дѣлу помощи раненымъ:

Мнѣ пришлось немного времени спустя послѣ начала войны быть на эвакуаціонномъ пунктѣ. Распредѣляли раненыхъ по лазаретамъ. Было много дамъ. Однѣ уже въ бѣлыхъ косынкахъ, другія въ обыкновенныхъ платьяхъ, но всѣ по-московски нарядны, очень оживлены, веселы. Разсматриваютъ сбившихся въ тѣсотѣ солдатъ, наводятъ лорнеты, обмѣниваются впечатлѣніями.

— Я беру десять человѣкъ, — заявила одна. — Сейчасъ вамъ укажу которыхъ. — Близко поднесла лорнетъ къ напудренному лицу, она принялась разсматривать больныхъ и усталыхъ солдатиковъ. — Вотъ этого я возьму... Разъ. Потомъ, вотъ того у стѣны... два... Впрочемъ, подождите... — Она подошла поближе. — Нѣтъ, этого не надо... Лучше вотъ крайняго... Да, да, его. Еще съѣда, черненькаго...

Шла, безцеремонно наклонялась къ измученнымъ лицамъ, точно товаръ разсматривала въ магазинѣ.

— Вотъ это, молъ, заверните, а этого не надо.

Было отвратительно смотрѣть.

— Точно на верниссажъ онѣ всѣ разошлись... Какая мерзость! — сказалъ мнѣ мой спутникъ. — А безъ этого нельзя... Попробуйте, скажите имъ — обидятся, цѣлый скандалъ подымутъ: мы патриотки, желаемъ служить защитникамъ родины. Еще жаловаться поѣдутъ въ разные тамъ комитеты и комиссіи. Въ нихъ сила — тысячи, миллионы потекутъ, только поощряя.

Собственно говоря, этимъ золотымъ дурамъ и не слѣдовало-бы показывать настоящихъ раненыхъ. Это — профанация.

Загримировать имъ два десятка безработныхъ актеровъ, накрутить на головы и на руки марли, тронуть кое-гдѣ красной красочкой — и пожалуйста, выбирайте! За входъ на это торжище брать по десять тысячъ, а потомъ на вырученные деньги устраивать настоящіе честные лазареты, къ которымъ этихъ позолоченныхъ дуръ не нужно подпускать и на версту.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

НОВАЯ КНИГА

Аркадія Аверченко

„О МАЛЕНЬКИХЪ — ДЛЯ БОЛЬШИХЪ.“

Разказы о дѣтяхъ.

Вода для враговъ.

Не съ чего — такъ съ бубень:

Всѣ слои норвежскаго общества крайне встревожены и возмущены гнусными приѣмами борьбы, которую германцы перенесли теперь и въ Норвегію. На большой фабрикѣ искусственныхъ минеральныхъ водъ въ Ларвикѣ 116 тысячъ бутылокъ „Фаррисъ“, предназначенныхъ къ вывозу въ Англію, оказались отравленными карболовой кислотой. Предварительное дознаніе уже выяснило, что здѣсь имѣется несомнѣнно злой умыселъ, вѣроятно, со стороны одного изъ германскихъ мастеровъ.

Однако, не нужно допускать, чтобы эта вода пропала зря.

Ею, при подписаніи мирнаго договора, можно угостить дипломатическихъ представителей Германіи, которымъ, вѣроятно, и принадлежитъ идея остроумнаго трюка съ водой „Фаррисъ“...

Съ новыми силами.

Говорятъ, что чѣмъ больше шкуру мять — тѣмъ она мягче, лучше и дороже дѣлается...

„Петроградскій Курьеръ“ сообщаетъ:

Пока въ святѣйшемъ синодѣ разсматривается вопросъ о реформѣ бракоразводнаго процесса, акулы, около него питающіяся, не дремлютъ. По крайней мѣрѣ, саблеровскій ставленникъ и чудодѣй по части бракоразводныхъ эффектовъ, М. М. Арцыбашевъ, приговоренный на-дняхъ въ Калугѣ къ 4-мѣсячному заключенію, возродился изъ уголовного пепла и вчера въ „Нов. Времени“ крупнымъ шрифтомъ

Мих. Мих. Арцыбашевъ

извѣщаетъ своихъ кліентовъ по бракоразводнымъ дѣламъ о переѣздѣ на новую квартиру.

Мы увѣрены, что если бы эта квартира была съ однимъ только, но зато рѣшетчатымъ окномъ талантливый дѣлецъ былъ бы менѣе доступенъ для своихъ кліентовъ.

Разъ въ недѣлю, на полчаса, что ли...

Старый грѣховодникъ.

Корреспондентъ „Idea Nationale“ изъ Далмаціи сообщаетъ, что императоръ Францъ-Иосифъ находится нынѣ въ состояніи глубокаго старческаго маразма. Уже четвертую недѣлю Францъ-Иосифъ не принимаетъ никого даже съ дѣловыми докладами. Единственный представитель власти, имѣющій доступъ къ нему, это министръ Буріанъ, который даже живетъ въ Гофбургѣ. Большую часть дня Францъ-Иосифъ проводитъ въ дремотѣ и почти ничего не ѣстъ. Передвигается онъ только съ посторонней помощью, и всякій шумъ, напирѣ мѣръ стукъ двери, вызываетъ у него неудержимыя слезы.

Это еще что за причина для слезъ — стукъ двери! Пустякъ...

Скоро будутъ большія причины для слезъ.

Захлебнется хитрый старикъ въ слезахъ.

Мерзавцы.

„Новое Время“ приводитъ историческую справку, воздерживаясь отъ всякихъ комментариевъ.

Воздержимся отъ нихъ и мы, кромѣ вполне исчерпывающаго заголовка этой волчьей ягоды.

Тридцать восемь лѣтъ назадъ 480 тысячъ русскихъ воиновъ выступили на кровавую борьбу за жизнь, свободу и честь болгарскаго народа.

Въ двадцать два мѣсяца войны Россія похоронила 104 тысячи своихъ воиновъ.

952 тысячи раненыхъ и больныхъ прошли чрезъ всѣ госпитали. 36 тысячъ здоровыхъ и цвѣтушихъ людей вернулись домой калѣками.

По официальнымъ даннымъ, исчисленнымъ при заключеніи мира: Военныя издержки на созданіе независимой Болгаріи потребовали 900 милліоновъ рублей.

400 милліоновъ потеряло государство въ торговлѣ и промышленности.

100 милліоновъ убытка принесло вторженіе турокъ на нашъ Кавказъ.

На 10 милліоновъ пострадали русскіе подданные и русскія учрежденія въ Турціи.

Глубокій обходъ.

Г. Ренниковъ продолжаетъ свое жуткое перечисленіе русскихъ нѣмцевъ:

... Я добрался до станціи Владикавказской желѣзной дороги. Въ буфетѣ для подкрѣпленія выпилъ я краснаго вина бр. Фореръ изъ колоніи Еленендорфъ Елисаветпольской губерніи съ ярлыкомъ на бутылкѣ: „Gebrüder Vohrer. Kol. Helenendorf“ и съ торговой маркой въ видѣ одноглаваго орла. И въ ожиданіи поѣзда прочелъ какой-то, лежавшій на столѣ, желѣзнодорожный справочникъ, въ которомъ встрѣтилъ много знакомыхъ фамилій:

„Управляющій Владикавказской желѣзной дороги Кригеръ. Начальникъ Юго-Западныхъ дорогъ Шмидтъ. Предсѣдатель правленія Казанской дороги фонъ-Меккъ. Помощникъ въ эксплуатационномъ отдѣлѣ Вейсъ. Другой предсѣдатель Нольшейнъ. Начальникъ Московско-Курско-Нижегородской и Муромской дороги Рейслеръ. Бывшій управляющій Киево-Воронежской дороги Эрманъ. Предсѣдатель правленія Рязано-Уральской жел. дороги Шмидтъ. Начальникъ эксплуатации Китайской Восточной дороги Гинце, его дѣлопроизводители — Зерендорфъ и Мейснеръ. Въ Пекинѣ желѣзнодорожный секретарь Тамберъ, въ Харбинѣ — желѣзнодорожный коммерскій агентъ Ульрихъ. По владивостокскому желѣзнодорожному отдѣленію: началь-

никъ отдѣленія — фонъ-Оффенбергъ, начальникъ перваго участка — фонъ-Вильдеманъ-Кнопманъ, начальникъ четвертаго участка — фонъ-Лансбергъ, начальникъ девятаго участка Оттонъ Бичка“...

Если мы и можемъ жаловаться на нѣмецкое засилье въ Россіи, то нѣмцы не могутъ пожаловаться на русское засилье въ Россіи: русскихъ на русскихъ хлѣбныхъ мѣстахъ очень мало

Зеленое и сѣрое поле.

Фабрика игральныхъ картъ передѣлывается для изготовленія предметовъ военнаго снаряженія.

Рѣдкій случай, ясно и опредѣленно доказывающій, какъ легко изъ минуса плюсъ сдѣлать.

Теперь фабрики этой знаменитой фабрики не на гладкомъ зеленомъ полѣ будутъ красоваться, а на полѣ хотя и сѣромъ, хотя и грязномъ, хотя и изрытомъ — но въ тысячу разъ болѣе почетномъ.

КАЗНАЧЕЙ.

— «Вотъ глаза поцѣлую эти,
Вотъ любимую родинку подъ челкой —
Хорошо тебѣ, женка, жить на свѣтѣ,
А я опять на счетахъ проклятыхъ щелкай...
Буду опять сидѣть при свѣчѣ я,
Надъ подлыми цифрами сохнуть,
Съ тѣхъ поръ, какъ получилъ казначея —
Ей Богу, ни вздохнуть, ни охнуть...»

Ну-ка, гдѣ мои туфли?»

И ушелъ восьми пудовъ брутто,
Халать накинувши, ватеръ-пруфъ ли —
Въ этомъ родѣ что-то такое будто.

Жена «котикомъ» назвала разъ десять,
Ужъ такъ-то скорбитъ о мужѣ,
Но въ душу человѣка не влѣзть вѣдь,
А кто влѣзетъ — хуже тому же...

Всюду сонъ въ квартирѣ мертвецкій,
Только тикаютъ часы въ столовой,
Да неслышно шмыгаетъ въ дѣтской
Старичокъ въ накидкѣ лиловой...

Причесалъ лошадку-качалку
Приласкалъ покалѣченныхъ куколъ,
То тамъ, то здѣсь для порядку
Молоточкомъ постукалъ,

Прогналъ чернаго таракана
Маленькой, смѣшной метелкой.
Испугался тараканъ старикана
И спрятался за книжной полкой...

Охъ, ужъ тараканы эти, —
Сидѣли бы себѣ за печкой...

Вдругъ скрипнула дверь въ кабинетѣ
И вошелъ казначей со свѣчкой...

Такъ поздно! Съ какой бы стати?

Можетъ, ищетъ воды напиться?

Или клопы въ кровати?

Или отъ заботъ не спится?

Набралъ игрушекъ съ комода,

Сколько захватили руки...

Въ сорокъ-то четыре года

Выкидывать такія штуки?

Можетъ хочетъ поиграть тоже

На коврѣ среди кабинета?

На что же это похоже —

На что же похоже это!

Ворчалъ стариканъ: — «а еще ты,

Цѣлуя женѣ родинку подъ челкой,

Говорилъ, что опять цифры и счеты,

Опять, молъ, на счетахъ щелкай!

Ничего себѣ — парень дѣльный!

Жена-то повѣрила, дура,

Быть тебѣ на Удѣльной,

Непріятная твоя фигура!»

Но казначей не слыхалъ ни слова,

Пускалъ бѣгать на полъ

То автомобиль, то мороженщика заводнаго,

Весь коверъ стеариномъ закапаль.

Былъ казначей поэтомъ,

Прозой жизни болѣлъ сердечно,

И никто не вѣдалъ объ этомъ —

Первый казначей, конечно! **Валентинъ Горянскій.**

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

П. Д. Боборыкинъ въ одной изъ петроградскихъ газетъ разразился къ всеобщему изумленію такой фразой:

Не мнѣ одному, а всѣмъ моимъ землякамъ выпало на долю родиться въ томъ старомъ русскомъ городѣ, на Волгѣ, откуда въ страшную годину московской „Разрухи“ пошло освобожденіе отчизны.

„Не мнѣ одному, а всѣмъ моимъ землякамъ выпало на долю родиться... въ Нижнемъ-Новгородѣ“...

Выходитъ такъ, что если бы землякамъ П. Д. Боборыкина не выпало на долю родиться въ Нижнемъ-Новгородѣ, а родились они, скажемъ, въ Парижѣ или Лондонѣ — все-таки, это не помѣшало бы имъ оставаться земляками г. Боборыкина.

А что родились они всѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ простое совпаденіе — больше ничего.

Изъ газетной полемики „Дня“ съ С. М. Пропперомъ:

О гр. С. С. Татищевѣ, при которомъ шли гоненія на рабочую печать, и не только на рабочую, при которомъ создались и окрѣпли условія существованія печати во время войны, при которомъ на печать градомъ сыпались штрафы, вырабатывался каторжный законопроектъ о печати, — объ этомъ вѣрномъ помощникъ и сотрудникъ Н. А. Маклакова прогрессивныя „Биржевыя Вѣдомости“ писали: „Онъ былъ терпимъ... Не избалованы мы, русскіе журналисты, добрымъ отношеніемъ къ намъ носителей власти, и, когда умираютъ люди, подобные Серг. Серг., невольно повторяешь съ горечью: „У счастливаго недруги мрутъ, у несчастнаго другъ умираетъ“.

Къ сожалѣнію, графъ Татищевъ умеръ. Поэтому, мы лишены возможности дать ему ту оцѣнку, которой онъ заслуживалъ.

Да и при жизни его мы лишены были возможности дать ему справедливую оцѣнку.

Горькая наша журналистская судьба.

Редакторъ (?) „Синяго Журнала“ М. Г. Корнфельдъ издалъ въ своемъ журналѣ слѣдующій манифестъ:

Удаленный въ свое время изъ редакціи „Синяго Журнала“ г. Илья Василевскій (не-Буква), продолжаетъ на страницахъ своего журнала злоствовать и инсинуировать по нашему адресу.

Такъ какъ съ г. Ильей Василевскимъ — не-Буквой и не писателемъ, но скорѣе всего литературствующимъ фармацевтомъ считается, какъ съ литераторомъ, конечно, не приходится, — намъ остается лишь привлечь его къ уголовной отвѣтственности за клевету въ печати.

— Боже жъ мой, Боже жъ мой, — какъ говоритъ гоголевскій Дорощъ. — И что оно такое на свѣтѣ дѣлается!... Илья Василевскій уже не писатель, а М. Г. Корнфельдъ уже писатель и уже редакторъ журнала!... Съ какихъ же это поръ, Боже милостивый? Не съ тѣхъ ли поръ, когда Корнфельдъ, разогнавъ подобно купцу Епишину всѣхъ сотрудниковъ „Син. Журнала“, началъ свое редакторство тѣмъ, что снялся рядомъ съ ученой обезьяной изъ „Паласы Театра“ и помѣстилъ этотъ семейный снимокъ въ первомъ номерѣ обновленнаго журнала?

Есть такое священное изреченіе: „Нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ“...

У г. Фри-Дика изъ „Вечери. Биржевыхъ“ это изреченіе написано такъ:

Интересъ къ г. Дюбье кино-владельцы проявляютъ большой, и этимъ оправдывается пословица, что лучше быть первымъ у иностранцевъ, чѣмъ вторымъ въ своемъ отечествѣ.

И вѣрно.

Какъ говоритъ извѣстная пословица: „Если ты отрѣжешь себѣ голову, то начать рыдать по поводу утерянной шевелюры — не стоить начинка выдѣлки“.

„ТОТЪ САМЫЙ, КОТОРЫЙ...“

Есть люди, которыхъ хлѣбомъ (сахаромъ) не корми, а укажи на нихъ перстомъ, или кивни головой:

— Это тотъ самый, который...

И этотъ «тотъ самый, который», не хуже бѣгущей лошади задеретъ голову и каждой жилкой подтвердитъ:

— Именно, я — «тотъ самый, который»...

Жажда популярности — мучительнѣйшая жажда: чѣмъ больше «тотъ самый, который»... пьетъ, тѣмъ больше ему хочется пить.

* * *

Когда мы знакомились, я пробурчалъ подъ носъ свою фамилію, а онъ отчетливо сказалъ:

— Колянскій.

Я подумалъ: Колянскій — такъ Колянскій, и спокойно сказалъ:

— Очень радъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня удивленно и твердо отчеканилъ:

— Н. Д. Колянскій.

Я подумалъ: Н. Д. Колянскій — такъ Н. Д. Колянскій, и повторилъ:

— Очень радъ.

Помолчали.

— У насъ спеціальными науками мало интересуется общество, — сказалъ онъ.

— На то онъ и спеціальныя.

— Небось теперь все общество, весь народъ страдаетъ и приноситъ тяжелыя жертвы потому, что до войны интересъ къ спеціальнымъ наукамъ былъ очень малъ. Что вы, напримѣръ, можете сказать о двигателяхъ внутренняго горѣнія, о четырехтактныхъ, или о мѣстномъ отопленіи въ связи съ новыми идеями и усовершенствованіями?..

Я развелъ руками и, вспомнивъ отвѣтъ ученика на вопросъ: «что вы можете сказать объ Александрѣ Македонскомъ?» — повторилъ его:

— Ничего, кромѣ хорошаго!

— А детально?

— Детально... детально тоже ничего, кромѣ хорошаго.

— Вотъ, въ этомъ все несчастье! Мы привыкли пользоваться готовымъ, не задумываясь о томъ, какую эволюцію это готовое прошло, какія идеи вложены въ его основу, какъ къ этимъ идеямъ пришелъ изслѣдователь или изобрѣтатель и... какъ его имя...

Меня осѣнило:

— Н. Д. Колянскій?!

Мнѣ вспомнилась сковорода для блиновъ въ ту минуту ея жизни, когда по ней только что прошла рука стряпухи съ масляной тряпочкой...

— О, нѣтъ, честь открытія этихъ идей не всецѣло принадлежитъ мнѣ, хотя вы и угадали: я изобрѣлъ новый типъ регулятора отопленія. Онъ отличается отъ стараго типа однимъ только винтикомъ, но этотъ винтикъ внесетъ новую струю въ старыя теоріи...

Отъ издательства „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Расширяя съ осени настоящаго года свое издательство, Т-во „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“ приступаетъ къ изданію цѣлаго ряда книгъ, носящихъ чисто беллетристическій характеръ — безъ юмористической или сатирической окраски, что имѣло мѣсто до сихъ поръ.

Пока намѣчены къ выпуску слѣдующія изданія:

ТЕФФИ. — „Неживой звѣрь“. Книга рассказовъ. (Печатается.)

А. ГРИНЬ. — Рассказы. (Печатается.)

КАРМАННАЯ БИБЛИОТЕКА.

К. Б. Это изданіе будетъ выходить книжками карманнаго формата въ изящныхъ обложкахъ, приблизительно 250—300 страницъ.

Произведенія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ.

Отличительная черта этого изданія — красивая мѣтка К. Б. на обложкѣ.

Цѣна каждой книжки 40 коп.

Первая книжка:

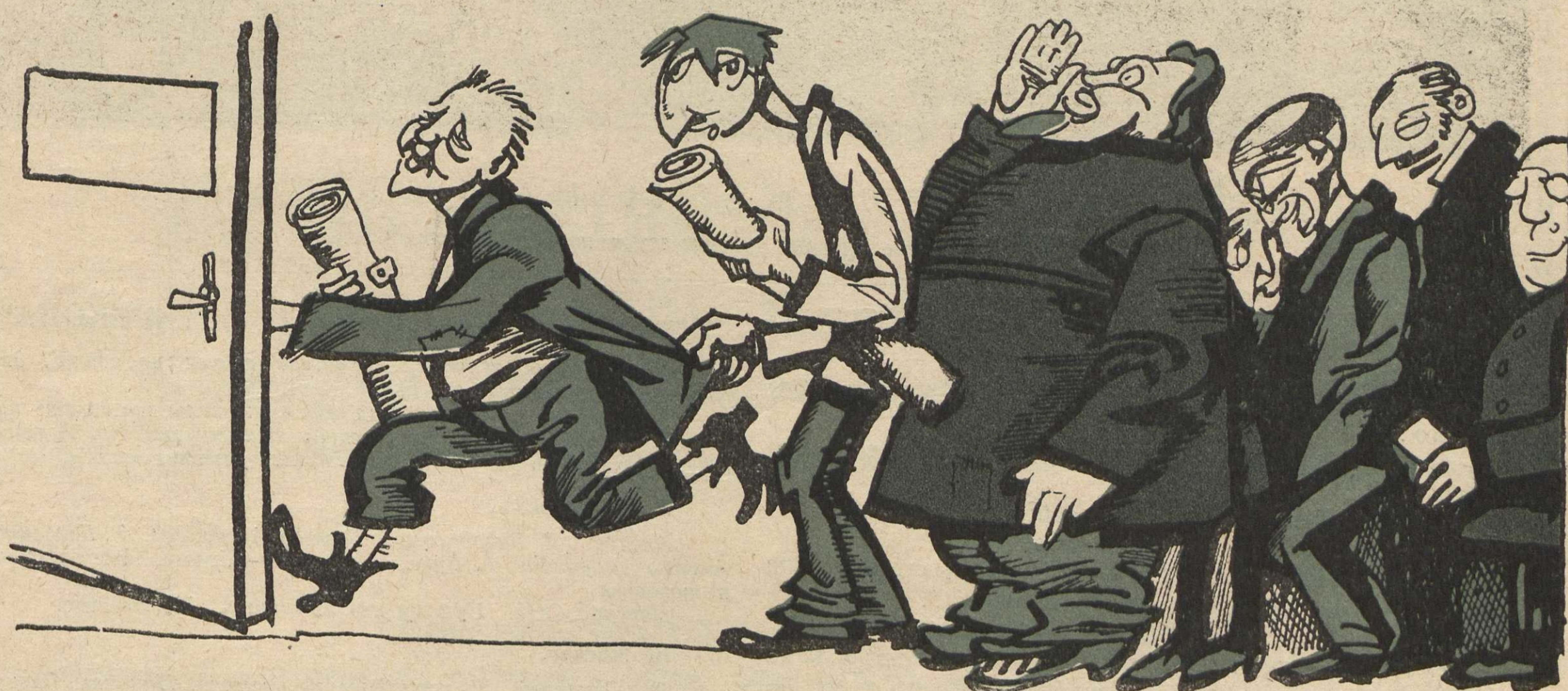
А. ГРИНЬ. „Происшествіе въ улицѣ Пса“. Вышла изъ печати и продается.

Издательство.

Дровяникъ, мучникъ, банкиръ и др.

Очередь у тюрьмы.

Очередь у редакціи журнала „Лукоморье“. (Каждому лестно.)

Г. г. — Б. Лазаревскій, С. Городецкій, А. Рославлевъ, М. Кузьминъ, Ф. Сологубъ и др.

Третья очередь не могла быть помещена по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

ПРОЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТѢ.

Мы все болѣе и болѣе прочно утверждаемся на нашихъ позиціяхъ.

— Я васъ понимаю: до-винтиковый періодъ и послѣ-винтиковый...

— О, вы мнѣ льстите!.. Я хочу только сказать, что безъ него...

— Ясно!.. Если не хватаетъ винтика — плохо. Это во всемъ!

— Но въ нашей области это особенно важно... Мой регуляторъ безъ винтика — шагъ назадъ!

— Ясно!.. По совѣсти скажу: регуляторъ стараго типа это темное пятно на исторіи нашей техники...

— Н-ну?

— Честное слово!.. Оно ляжетъ такъ же тяжело, какъ пятно отъ смазочнаго масла на шелковой ткани, и вытравить его будетъ не-воз-мож-но!

Онъ крѣпко пожалъ мою руку и горячо сказалъ:

— Я не подозрѣвалъ, что вы такъ близко принимаете къ сердцу интересы техники... Я не подозрѣвалъ, что спеціальная наука все же вызываетъ интересъ и не только у специалистовъ...

Я почувствовалъ себя — каюсь — неловко: моя шутка была имъ принята за полновѣсную монету... Отступать же я не привыкъ.

— Господи, да я всегда... Вы только назвали себя, и я сейчасъ подумалъ: «Н. Д. Колянскій, Н. Д. Колянскій» — что-то безумно знакомое, почти до боли!.. И, конечно, вспомнилъ, что ваше имя связано съ интереснымъ изобрѣтеніемъ...

— Вы читали о немъ въ спеціальной литературѣ?

— Нѣтъ, въ обществѣ о немъ говорятъ!..

Его лицо отъ широкой улыбки засіяло, залоснилось... И мнѣ снова вспомнилась блинная сковородка.

Послѣ знакомства съ Н. Д. Колянскимъ я понялъ, что не ради выгоды, не ради коммерческой рекламы изобрѣтатель «озонатора» О. В. Сачковскій печатаетъ на немъ свое имя...

Я понялъ, что и М. Свѣтлицкій печатаетъ свое имя на костяныхъ ручкахъ, прикрѣпленныхъ къ цѣпи для спуска воды въ тѣхъ самыхъ учрежденіяхъ, гдѣ вѣшаютъ «озонаторъ» О. В. Сачковскаго не ради выгоды, не ради коммерческой рекламы...

Оба они жаждутъ популярности, и каждый изъ нихъ хочетъ, чтобы на него указывали:

— «Это тотъ самый, который!..»

Я не знаю — есть ли у нихъ дѣти, но, если есть — я этимъ дѣтямъ не завидую.

Исидоръ Гуревичъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Алсару. Д. Быгодскому. Георгію Алексѣеву. Т. Грибенкову. Андрею Морандо. А. Куделю. Сергью — брату. Все присланное не подошло.

Царское Село. Одному изъ пишущихъ. Не подошло.

Б. Москва.

Ив. Сахарову. Къ сожалѣнію, не подошло. Николаю Ливкину. А. Елеонскому. Эльче. Георгію Евазегулову. С. Моршаку. Не будетъ напечатано.

Синадино. — „Наконецъ-то и я раскачался“, пишетъ въ письмѣ Синадино.

Обрадовали, нечего сказать. Могли и не раскачиваться...

Л. М. Д. — Къ общему удивленію Л. М. Д. пишетъ въ своемъ разсказѣ „Маіоръ Губачевъ“, что „небо бороздили заряды“ и что „солдаты привинтили ружья къ штыкамъ“. Въ концѣ концовъ, конечно, не важно, что къ чему привинчено — хвостъ къ собакамъ или собака къ хвосту, но автора приведенныхъ строкъ привинчивать къ письменному столу отнюдь не слѣдуетъ...

Б. Провинція.

Баку. Ф. Тверь. Сержу. В. Ф. Клапову. Гор. Руза, Моск. губ., г-жѣ Баклановой. Казань. З. В. К. Кіевъ. М. Черникову. Не будетъ напечатано.

Ростовъ, Ярославль. — Астра. — „Стихи мнѣ даются легко“, само-довольно пишетъ Астра.

Даются-то легко... Берутся трудно.

Александровскъ. — До-нину. — Никто не сочинитъ стиховъ такъ умѣло, какъ До-нинъ:

Ночь опускаетъ черный покровъ,
И собаки ужъ всѣ замолчали —
Лишь слышно шелканье замковъ:
То люди свои дома затворяли.

Боялись они, вѣроятно, что придете вы и станете свои стихи читать.

Кіевъ. — Монтеззо. — Кто знаетъ сельскую жизнь лучше русскаго писателя Монтеззо?

„На одномъ концѣ обширнаго поля группа мужиковъ сѣяла, на другомъ косили, молотили — однимъ словомъ работа кипѣла“.

Молотить-то мужички, можетъ быть, и молотили... Только не сказано — по комъ.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) **6** руб., съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к.
на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣбываютъ артисты и писатели
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ

И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи

КАРМАННАЯ БИБЛИОТЕКАСочиненія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ
писателей.

Выпускъ I.

А. С. ГРИНЪ.

Выпускъ I.

Происшествіе въ улицѣ Пса.

Цѣна 40 коп.

Издательство „Новый Сатириконъ“ Невскій просп. № 88.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Аркадій Аверченко.**Чудеса въ рѣшетѣ.**

Цѣна 1 р. 25 к.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 1 р. 25 к.

Сатириконцы въ Европѣ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Круги по водѣ.

Цѣна 1 р. 25 к.

О хорошихъ, въ сущности, людяхъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Волчьи ямы.

Цѣна 50 к.

А. Тэффи.**Ничего подобнаго.**

Цѣна 1 р. 25 к.

Карусель.

Цѣна 1 р. 25 к.

И стало такъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Дымъ безъ огня.

Цѣна 1 р. 25 к.

**„ТЕПЛАЯ
КОМПАНИЯ“**

(СЪ КѢМЪ МЫ ВОЮЕМЪ.)

Текстъ — Арк. Аверченко, Вл. Азова,
А. Бухова, О. Л. Д'Ора, Тэффи.

Изданіе богато иллюстрировано.

Цѣна 1 р. 25 к.

Аркадій Буховъ.**ЖУКИ
НА БУЛАВКАХЪ.**

Цѣна 1 р. 25 к.

Владиміръ Воиновъ.**Солнечные рассказы.**

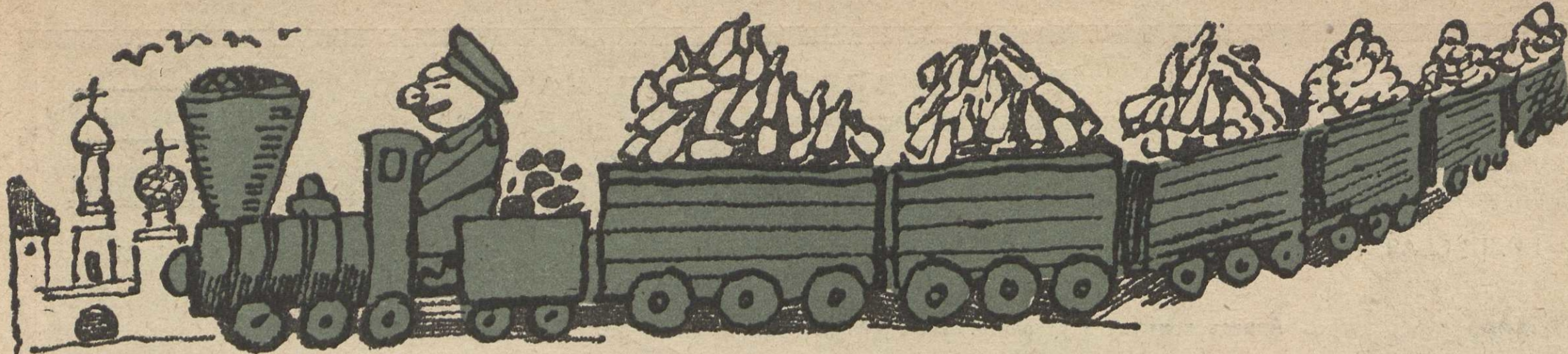
Цѣна 1 р. 25 к.

Исидоръ Гуревичъ.**Сигнальныя ракеты.**

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Сергѣй Горный.**Почти безъ улыбки.**

Цѣна 1 р. 10 к.

Въ Москву прибылъ миллионъ бутылокъ „Куваци“... Газетчикамъ это кажется много, но не нужно забывать, что это чудодѣйственная вода имѣетъ самыя разнообразныя примѣненія;

Она удобна для разговора мужа съ женой...

Незамѣнима для нашихъ милыхъ дѣтишекъ, какъ кегли.

Ванна изъ нея мягчитъ кожу и наводитъ на пріятныя мысли.

Пожары тушатся моментально.

Лучшее промывательное!!!

И, наконецъ, во всѣхъ циркахъ демонстрируется капитанъ Киддъ, „человѣкъ — желѣзный желудокъ“, который и т. д.